

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ XX-XXI ВВ.: КУЛЬТУРНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА

И.А. Арзуманов

Юридический институт Иркутского государственного университета, 664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10.

Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования религиозных институтов стран Северо-Восточной Азии на современном этапе, обусловленных процессами глобализации идеолого-правовых нарративов Нового времени. Экстерриториальность правовой глобализации в сфере государственно-конфессиональных отношений имеет в своей конституционной основе либеральный базис личных прав человека. Процессы модернизации национальных политико-правовых систем стран Северо-Восточной Азии имеют двойной вектор – вестернизационный и девестернизационный. В связи с этим мы можем говорить как о тенденциях глобализации ценностных факторов либеральной идеологии – рынка, демократии, прав человека и фиксации их, прежде всего, на конституционном уровне стран АТР, так и о верификации данного комплекса с позиций традиционно-ценностной интерпретации, политико-правовой практики и геополитической прагматики. В качестве базового выбран культурологический подход, определяющий аксиологические модусы правопонимания и правосознания, определяемых традиционными нарративами этноконфессиональной культуры. Религиозный фактор как один из системообразующих в процессах глобализации имеет и обратный вектор Восток – Запад. В качестве «локомотива» этих процессов в регионе Северо-Восточной Азии выступают Китай и Южная Корея, пребывающие на современном этапе в идеолого-интеграционной (Китай) и идеолого-экспансионистской (Южная Корея) фазах.

Автором отмечается, что для стран «социалистической» ориентации – КНР и КНДР – апория базовых компонентов традиционного правосознания и либерально-правовой рецепции конституционного уровня проявляется в дифференциации религиозных объединений по признаку их политической лояльности и уровня позитивно-правовой институализации. В рамках принципа государственного этатизма в сфере правоприменительной практики функционирование религиозных институтов, проявление политической лояльности и процессы «миссионерской геополитики» XX–XXI вв. находятся под жёстким контролем государства.

Ключевые слова: глобализация, этноконфессиональная культура, Северо-Восточная Азия, право, религиозная миссия.

Проблематика модернизации мировых политико-правовых систем пронизывает целый ряд нарративов государственного и общественного обустройства стран Северо-Восточной Азии. К основным из них явно или латентно относится нарратив глобальности. Институциональные измерения глобализации являются основными в интерпретационном ряду идеологических маркеров модернизационных проектов мировых политических систем. В этом смысле макрометодологические позиции анализа базируются на констатации секулярности в качестве базового интеграционно-идеологического модуля глобализационных процессов.

Многовековой разворот современного секуляризма, привел к функциональным трансформациям аксиологических локусов традиционных этноконфессиональных институтов, снимающим (как казалось, безвозвратно) какую либо надежду на их актуализацию в реальных общественных отношениях. Но, как показала общественная практика, многообразные модификации современной идеологии в условиях стран Северо-восточной Азии и стран АТР вызвали к социокультурной активизации ценностные метанарративы традиционных этноконфессиональных страт.

Детерминируя политико-правовые интенции стран с имперским окрасом политической истории, этноконфессиональные субстраты подвергаются институциональным модификациям, обусловленных общими процессами трансформаций традиционных политико-правовых и социокультурных систем. Это является характеристикой как процессов регионализации стран по культурно-цивилизационным или политико-правовым признакам, так и процессов, происходящих в локальных этноконфессиональных рамках. Данный ракурс в региональных условиях стран Северо-Восточной Азии определяется в качестве переходного к современным характеристикам идеологической трансформации рубежа XX–XXI вв.

Выбор в качестве доминантных методологических подходов социокультурно-

го и философско-правового опосредован пониманием фундаментальной роли традиций в процессах функционирования этноконфессиональных институтов в странах Северо-Восточной Азии. В том числе имеется в виду и диалектическая взаимосвязь элементов социокультурной системы с объективными законами, не зависящих от той или иной степени мировоззренческой ангажированности исследователя [13, с. 16; 23, с. 280]. Прежде всего, таких её основных элементов, как правоотношения, правосознание, правовая культура, к сфере которой относятся связи политики и права с моралью, религией и идеологией общества. Именно в этой сфере объективно выражены основные тенденции и возможные прерогативы регулирования процессов интеграции в трансформационных условиях современной глобализации.

Интеграция же рассматривается в контексте процессов модернизации – внедрения идеологических нарративов Нового времени, имеющих в Северо-Восточном регионе Азии ряд специфических маркеров. Наиболее яркий из них – государственное (конституционное) право. Оно является своеобразной «душой» правовой реальности стран европейской общности – «доноров» системно-правовых идеологием для ряда стран Северо-Восточной Азии. В данный регион входят Российская Федерация, Китайская Народная Республика (КНР), Корейская Народная Демократическая Республика (КНДР), Республика Корея (РК), Япония, Монголия.

Необходимо учитывать, что, в свою очередь, государства Северо-Восточной Азии относятся к странам АТР – обширнейшему региону мира, объединяющему более 50 государств, среди которых страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана. Исторически формирование страновых конституционно-правовых систем в этом регионе шло под влиянием:

- христианства (романо-германской и англо-саксонской ветви) – Россия, США, Канада;
- конфуцианства – Китай, Япония;
- ислама и индуизма – Индонезия, Малайзия.

Для модернизационных процессов в данном регионе, как и в целом в мире, характерна экстерриториальность как основная динамическая характеристика глобализации в целом. На современном этапе экстерриториальными являются экономическое, технологическое, информационное, социокультурное, правовое и целый ряд других пространств, находящихся в системе модернизационных взаимовлияний. В связи с этим констатируется и тот факт, что современные процессы глобализации в большинстве стран имеют методологическую кальку периода великих колониальных империй (по характеристикам экономического и идеолого-мировоззренческого компонентов).

Особенно показательны данные характеристики проявляются в процессах модернизации национальных правовых систем стран, имевших (Россия, Монголия) и имеющих (Китай, Северная Корея) социалистическую ориентацию. Еще более показательны – в обусловленных модернизацией национальных правовых систем региональных процессах, связанных с миссионерской деятельностью конфессий и деноминаций. Институциональная интервенция религиозных инноваций осуществляется уже не только с территорий стран-доноров либерально-демократической идеологии, но и с территорий стран Северо-Восточной Азии, ставших с конца XX – начала XXI вв. плацдармом для миссионерской геоэкспансии в странах АТР [4, с. 106-115; 20, с. 8-26; 7, с. 5-12; 6, с. 101-106]. Влияние религии на политико-правовую культуру стран данного региона чрезвычайно велико, и именно оно является своеобразной «скрепой» социокультурной стабильности политических форм государственной организации.

К особенностям функционирования религиозных институтов Китая и Северной Кореи необходимо отнести дифференциацию религиозных объединений на две страты: 1) социальные группы, объединённые по принципу исповедования определённой религии, и 2) не имеющие организационных форм. В связи с

этим особая роль в системе социальных и политических отношений в странах Северо-Восточной Азии отводится китайским синкретическим религиям, по установившейся традиции часто именуемым «тайными религиями» [22, с. 6]. В свою очередь, многие отечественные и зарубежные синологи настаивают на влиянии именно «тайных китайских вероучений» на Японию, Корею и Монголию [10, с. 6; 17; 14; 15]. Что касается религиозных организаций, действующих в рамках модернизации позитивного права, то их функционирование детерминировано, в том числе, и процессами модернизации. Китайское право, например, внешне европеизировалось с начала XX в. и вошло в семью правовых систем, основанных на римском праве. Изначально, как и в Японии, это было обусловлено необходимостью юридического противостояния колониальному характеру торговых, экономических отношений со странами Запада.

Кроме того, в Китае (как и в Северной Корее) основные законы сформированы в идеологических параметрах коммунистической идеологии, сопряжённой с государственно-этатистской специфической политико-правовой идеологии конфуцианства. Складывается своеобразная макрометодологическая философско-правовая и политико-правовая апория. С одной стороны, в свете либерализации и деидеологизации сферы религиозной политики Китай придерживается конституционных принципов уважения и обеспечения прав человека. Нормами Конституции КНР в ч. 2, 3, 4 ст. 36 регламентируется запрет как для государственных органов, так и для общественных организаций и отдельных лиц на принуждение граждан к исповедованию или неискповедованию религии, а также на дискриминацию граждан по этому признаку.

В соответствии с этим среди основных прав и обязанностей граждан КНР констатируется свобода вероисповедания (ст. 36 гл. 2) [11]. С другой стороны, традиционный принцип государственного этатизма в данной сфере общественных

отношений также отражён в Конституции КНР. Согласно ст. 36, государство берёт на себя обязательство охраны культово-обрядовой деятельности и религиозных институтов и налагает запрет на использование религии в целях, реализация которых создаёт угрозы для порядка в обществе, здоровья населения и функционирования образовательной системы. Этой же статьёй конфессиональные институты ограждаются от контроля зарубежных центров [11]. Последнее положение является краеугольным для понимания специфики китайской правоприменительной практики, детерминированной всем строем имперского конфуцианства. Функционирование религиозных институтов регулируется и целым рядом отраслевых законодательных актов, обусловленных жёсткостью «имперской» правоприменительной практики.

В Конституции Корейской Народно-Демократической Республики 1972 г. закреплены идеологические параметры построения социалистического государства, с одной стороны, основанные на мировоззренческой базе идей «чучхе», а с другой – декларирующие «модерные» ценности европейского конституционализма. Так, ст. 67 гл. V «Основные права и обязанности граждан» Конституции КНДР констатирует право граждан на «свободу слова, печати, собраний, демонстраций и объединений. Государство создаёт все условия для свободной деятельности демократических политических партий и общественных организаций». Но институт свободы совести, зафиксированный в ст. 68, ограничен целым рядом политико-административных решений, опосредованных идеологией «чучхе».

В её рамках Конституция КНДР чётко стратифицирует всё население страны по признаку опоры её суверенности – на рабочих, крестьян и рабочую интеллигенцию. Как показывает правоприменительная практика, верующие в общей данности стратификации слоёв населения по признаку их возможной нелояльности к режиму, причисляются

к враждебному слою. Так, к нему, кроме «подозрительных женщин» – бывших шаманок, куртизанок-кисэн и их ближайших родственниц относятся протестанты, буддисты, католики и местные конфуцианцы [12, с. 90-92]. Жёсткость позиции государства преимущественно обусловлена не только становящейся экзотической идеологией коммунизма, но и южнокорейским феноменом реализации «западной» проекции глобальных сценариев миссионерской геополитики XX в.

Целенаправленная экспансия пост-протестантских деноминаций из Южной Кореи стала фактором национальной безопасности для непосредственных северных соседей – КНДР и Китая. Ситуация в Южной Корее явилась результатом ничем не сдерживаемой экспансии политико-правовых и идеологических форм либерально-демократической глобализации. Необходимо отметить, что поскольку доступ миссий в эти страны с территории Южной Кореи затруднён в силу сложившихся внешнеполитических взаимоотношений и законодательных ограничений, то на современном этапе более успешно эта работа может проводиться из России, ставшей с 90-х гг. 20 в. плацдармом для конфессиональных инноваций.

Таким образом, особенности функционирования религиозных институтов стран Северо-Восточной Азии на современном этапе обусловлены процессами глобализации идеолого-правовых нарративов Нового времени. Экстерриториальность правовой глобализации в сфере государственно-конфессиональных отношений имеет в своей конституционной основе либеральный базис личных прав человека. Процессы модернизации национальных политико-правовых систем стран Северо-Восточной Азии имеют двойной вектор – вестернизационный и девестернизационный. В связи с этим возможно говорить о двух тенденциях:

– о глобализации ценностных факторов либеральной идеологии – рынка, демократии, прав человека и фиксации

их, прежде всего, на конституционном уровне стран АТР;

– о верификации данного комплекса с позиций традиционно-ценностной интерпретации, политико-правовой практики и геополитической прагматики.

Религиозный фактор как один из системообразующих в процессах глобализации имеет и обратный вектор Восток – Запад. В качестве «локомотива» этих процессов в регионе Северо-Восточной Азии выступают Китай и Южная Корея, пребываящие на современном этапе в идеолого-интеграционной (Китай) и идеолого-экспансионистской (Южная Корея) фазах.

Для стран «социалистической» ориентации – КНР и КНДР – апория базовых компонентов традиционного правосознания и либерально-правовой рецепции конституционного уровня проявляется в дифференциации религиозных объединений по признаку их политической лояльности и уровня позитивно-правовой институализации. В рамках принципа государственного этатизма в сфере правоприменительной практики функционирование религиозных институтов, проявление политической лояльности и процессы «миссионерской геополитики» XX–XXI вв. находятся под жёстким контролем государства.

Рассмотренные особенности модернизационных аспектов вероисповедной политики стран Северо-Восточной Азии с «социалистическим» вектором политико-правовых идеологем на примере Китая и Северной Кореи, должны быть дополнены анализом на примере стран, ставших оплотом либеральной идеологии построения политико-правовых систем. Речь в данном контексте, прежде всего, может идти о Монголии и Японии. Анализ объективно должен базироваться и опираться на компаративистике процессов модернизации этноконфессиональной политики в этих странах с ситуацией в современном Китае. Данное обстоятельство обусловлено:

– во-первых, исторической ролью Китая как регионального донора основ-

ных архетипических моделей правосознания, правопонимания и политической культуры, поскольку уже к VII–VIII вв. н. э. Китай за 2500 лет своей предшествующей истории создал идеологическую, религиозную, политическую и правовую базы для появления восточноазиатской цивилизации;

– во-вторых, процессы модернизации этноконфессиональной политики обусловлены сходностью процессов глобализации правовой системы и декларацией модернизационных форм продуктов конституционализма;

– в-третьих, и это основное – Китай (как, собственно, и Япония) являет собой образец процессов национально-культурной самоидентификации на базе культурно-цивилизационных архетипов социальной организации и форм политической и правовой культуры, заложенной им в Восточно-Азиатском регионе [1, с. 67-74].

Компаративистский анализ культурно-цивилизационной, нормативно-правовой, структурно-институциональной фиксации специфических форм «модернизации» позволяет выстроить методологический базис дальнейшего рассмотрения глобализационных аспектов этноконфессиональной политики в Японии, Монголии и Южной Корее и в геополитической проекции. В том числе и по отношению к России, в административно-политических границах которой функционируют однородные конфессиональные институты буддизма и христианства.

Данный подход на современном этапе, как никогда, актуализируется, поскольку экономические и политические критерии уровня развития стран АТР, взятые в качестве их соответствия глобальным параметрам продуктов европоцентристской модернизации, не могут служить адекватным ключом к пониманию социополитических и политико-правовых региональных реалий. Методологический вакуум возникает из-за несоответствия практико-прогностических ожиданий, выводимых из эволюционно-формационного подхода в понимании

исторических процессов, в результате которых все интерпретации процессов в регионе стран сильной традиции наталкиваются на несоответствие практико-прогностических положений реалиям. Эволюционный историзм как основной методологический продукт эпохи Нового времени акцентирует внимание на концепции исторического развития, свойственного всем народам и странам без учёта их культурного разнообразия. Разностепенность культурного развития народов (при рассмотрении этапов эволюции народов Европы в качестве эталонной) в рамках концепции всемирного прогресса объясняется полилинейностью – каждый народ развивается самостоятельно, но непременно проходит определённые этапы своего развития в рамках формационного дискурса интерпретации этих процессов.

Так, стадию Нового времени, детерминирующую основные институты конституционализма, большинство стран АТР «миновали», что и легло в основу негативной оценки уровня их политического и культурного развития, а заодно и детерминировало «доводку» их политико-правовых систем до стандартов «развитой демократии» в начальный период их модернизации XX в. В основе методологии глобализационных процессов и гуманитарных интервенций прошлого и настоящего (не только в зоне АТР) лежит, по сути, европоцентристское допущение того, что народы, не прошедшие стадийный круговорот естественного прихода к западным формам политических систем, будут (и обязаны) в дальнейшем проходить те же стадии развития, что и страны развитой демократии (лидером которых являются США).

Таким образом, эволюционизм, ставший, по сути, не только социально-теоретическим, но и геополитическим инструментом глобализации, с одной стороны, предопределил ситуацию, при которой, например, Китай и Северная Корея формируются на идеологической базе, имеющей в арсенале марксистскую компоненту. А с другой – ряд стран глобализируется по сценарной кальке ли-

беральной идеологии Нового времени, рецептированной из стран метрополий (или внедренной последними на закате колониального периода культурно-цивилизационных диффузий). Но и те, и другие тяготеют к конфуцианско-буддистской маркировке современных процессов самоидентификации. Итогом последнего фактора явилось возрождение опосредованных форм контроля культурно-цивилизационного пространства в рамках правовой и правоприменительной политики и практики.

Культурологический модус анализа в данном контексте актуализируется тем, что с культурологических позиций общество рассматривается как результат реализации специфических духовных принципов, зафиксированных в религии, философии, искусстве [21, с. 260]. В этой связи культурология рассматривается в качестве методолого-операбельной разновидности социальной и политической теории, в свете которой европоцентристский и христианско-центристский подход к осмыслению детерминант конфуцианско-буддистского мира нуждается в радикальной корректировке.

Культурологический подход в контексте понимания его в качестве политико-правовой теории помогает осознать важность антропологических констант общественного сознания, как правило, не учитываемых при технократической интерпретации социально-политических и правовых феноменов. Прежде всего, потому, что аксиологический срез преобладающих в обществе культурно-цивилизационных доминант позволяет прогнозировать дальнейший ход развития форм его пространственного контроля. С данной точки отсчёта инновационность культурно-правового и культурно-политического анализа выступает в том, что «история» проблематизируется и понимается не в контексте её целеполагающих установок как неследование её европоцентристским проекциям ожидаемого. Хотя бы уже в силу того, что пространственно-временные параметры истории как проблемы в её соотношении с христианско-обусловленной

концепцией являются не линейными, а циклическими. Отсюда, например, феномен устойчивого состояния покоя и равновесия согласованных интересов в правосознании Китая, являющийся одной из основных характеристик процессов адаптации форм правоприменительной практики, выстраиваемой на романо-германских принципах судопроизводства. Давид Рене пишет, что в основе процессов фрустрации данных принципов лежит недоверие китайцев к собственно праву, вследствие чего регулирование частно-гражданских интересов в массе своей до сих пор осуществляется посредством не судопроизводства, а досудебной практики примирения [9, с. 439-440].

Аналогичные в целом явления исследователи отмечают и в отношении Японии. Р. Давид пишет в этой связи, что право, импортируемое в Японию из стран Запада, предполагает регуляцию общественных отношений естественно-правовых позиций собственно стран Запада, не связанных с традициями Японии. Идеи равенства, имеющие на Западе три вектора обоснования – религиозное (равенство всех перед Богом), доктринально-индивидуалистическое и теоретико-социалистическое, – в Японии сталкивается с доминирующим принципом иерархического структурирования общества. Природа архетипа политической культуры обусловлена структурно-идеократическими элементами, в основе которых лежит традиционность культурно-религиозного пласта мироощущения и мировосприятия.

С одной стороны, ст. 20 Конституции Японии декларирует либеральные основы государственно-конфессиональных отношений – гарантирование свободы религии для всех, отделение государства от религиозных институтов в контексте структурирования политической системы общества. С другой стороны, религиозно-культурные детерминанты политической системы фактически определяются идеократическими элементами (в качестве политического богословия (теократии)). Государственная теократия в Японии имеет скрытые фор-

мы, которые лишь отчасти проявляются в конституционном праве и скрыты от взоров исследователей, использующих лишь методы нормативизма.

Первая глава японской Конституции непосредственно связана с 20-й статьёй 3-й главы. В ней закрепляются либеральные положения о правах граждан Японии в религиозной сфере и запрет на принуждение кого-либо к участию в религиозно обусловленных действиях. Смысл этой идеологии состоял в обожествлении императорской династии, обосновании её божественного происхождения. В этом отношении показательны процессы, связанные с политической интерпретацией и корректировкой ст. 9 главы 2 «Отказ от войны». На современном этапе идеологемы милитаризма, соответствующие экономическому статусу Японии в мировой и региональной экономике, актуализируют возрождение национальных милитаристских символов, определяющих вкуче геополитические формы контроля идеологического пространства с позиций японского культуроцентризма.

Механизмы модернизации политико-правовых систем, происходящие под влиянием политических процессов европеизации правовых систем стран АТР, не коснулись архетипов правосознания правовой и политической культуры. Рецепция внешних форм не затронула феноменологические составляющие интенциональных структур политической и правовой культуры как Китая, так и Японии. В связи с этим мы можем констатировать идеациональные маркеры социальной структуризации и регуляторов общественных отношений, сублимирующих их практико-правовой характер – этические системы конфуцианства, синтоизма и буддизма в параметрах мировоззренческого стереотипа, заложенного в культурно-религиозном комплексе «коллективного бессознательного».

В контексте традиционного прагматизма правовая и правоприменительная практики Китая и Японии в сфере религиозной политики отчасти обусловлены принципами, исходящими из геополити-

ческого вектора Россия – Китай – Япония. Они связаны, прежде всего, с экономическими и пространственными интересами Китая и Японии в Забайкалье и Дальнем Востоке, являющихся ареалом распространения «северного буддизма» – ламаизма. В этой связи прослеживаются три основные тенденции геополитической дилеммы, связанные с тибетским буддизмом:

- китайский проект пан-буддизма и окончательное «приручение» выхолощенной формы тибетской теократии;

- геополитический проект панмонголизма, в рамках которого разрабатываются планы объединения монгольских народов (в том числе и под эгидой базовых теократических идеологем тибетского буддизма, а также общей этнокультурной страты шаманизма);

- панasiatская доктрина в современной религиозной политике Японии в регионе Дальнего Востока, одним из ключевых моментов которой является буддистский (ламаистский) фактор, с переменным успехом активизируемый в течение всего XX и начале XXI в.

Пан-буддистский вектор китайской вероисповедной политики обусловлен фактором тибетского буддизма, имеющего в своих северных ареалах традиционные анклавы российских институтов ламаизма – в Тыве, Калмыкии, Бурятии. В контексте китайской политики ламаизм является фактором не только внутренней, но и внешней политики. Специфика глобализационных факторов в данном случае проявляется в том, что буддизм в его североазиатской форме в регион Забайкалья пришёл в формах, адаптированных под сознание западных реципиентов. Более того, в культово-обрядовой составляющей (в рамках тибетской диаспоры, возглавляемой Далай-Ламой 14) особое внимание уделяется культу «хранителей веры», практика которых латентно обуславливает политико-идеологические компоненты тибетской проблемы для Китая и России конца XX и начала XXI в.

В последнем случае практика этноконфессиональной политики Китая опирается на традиционный изоляцио-

низм культурно-идеологической сферы, пресекающий влияние религиозных институтов, центры которых находятся за рубежом. Эта практика осуществляется в рамках создания патриотических ассоциаций верующих различных конфессий, находящихся под жёстким административным контролем. В этих же рамках возрожденной традиции имперской методологии вероисповедной политики Китай корректирует и доктринальные положения буддизма, связанные с реинкарнацией как Далай-Ламы, так и панчен-лам – высших иерархов тибетского буддизма школы Гелугпа [18, с. 85-88].

Глобальный характер в данном случае определяется общим конфуцианским строем вероисповедной политики, определяемой, прежде всего, государственным этатизмом и процессами трансформации конфуцианской идеологии в «гражданскую религию», под эгидой которой объединены все религиозные институты. Суть – полная политическая лояльность. Проект «гражданской религии» в данном контексте объясняет всю проблематику, связанную с нарушением прав человека в области свободы вероисповедания в случае наличия бесконтрольного конфессионально-административного центра. Последнее, как отмечают исследователи, вполне сопрягается с секулярным контекстом глобальной диффузии модели гражданской религии Ж.Ж. Руссо, в полной мере реализованной в современных условиях США.

Для России ламаистские регионы всегда были предметом особой тактики вероисповедной политики империи XVIII–XIX вв. В данный период методология конфуцианского Китая учитывалась в полной мере. На современном этапе поиски общегосударственной идентичности Китая в условиях глобализации сопряжены с выработкой методологии распространения сферы геополитического влияния за счёт попыток налаживания контроля над иерархией Тибета. В этих условиях достаточно показательны позиции представителей российской буддистской Сангхи, неоднократно публично озвучивающие мысль об автокефалии

Буддистской традиционной Сангхи России – независимости от иностранных центров, находящихся как в китайском Тибете, так и в индийской Дхармасале (современная резиденция Далай-Ламы 14).

Апелляция к практике вероисповедной политики России имперского периода, в рамках которой была учреждена российская буддийская иерархия во главе с Пандито Хамбо-ламами, в этой связи показатель политической зрелости руководства российской буддийской Сангхи [2, с. 248]. Особенно это проявилось в 90-е гг. XX в. в условиях, когда государство фактически ушло из сферы контроля над процессами формирования конфессионального спектра региона. Буддийский анклав Забайкалья претерпел в этот период спектральную деструкцию, последствия которой до сих пор не преодолены и имеют достаточно жёстко прогнозируемые последствия в будущем (связываемые исследователями с реинкарнацией будущего Далай-Ламы в китайском Тибете).

В связи с этим столь же показательны заявления Далай-Ламы 14 о том, что его реинкарнация возможна не только в среде «породной» территории ламаизма – Тибете, но и за его пределами. В любом случае, позиция российской Сангхи в лице Хамбо-ламы Д. Аюшеева может послужить примером достаточно обоснованной и чёткой позиции в защиту государственных интересов России в регионе. Тем не менее продолжающееся со стороны российского государства фактическое невмешательство в эти процессы (вполне вписывающиеся в либерально-глобальные сценарии деструкции конфессионального пространства России) отражает общие тенденции деструкции имперских принципов вероисповедной политики в свете реализации сценариев либеральной модернизации идеологического пространства.

Интерес к российскому ламаизму и монгольскому миру в свете модернизации китайской вероисповедной политики во второй половине XX в. традиционно проявляет и Япония. Панмонголизм имеет два основных вектора интерпре-

тации – собственно тибето-буддистский и китайский. Тибето-буддистский отражает попытки тибетской иерархии консолидировать ламаистские регионы в борьбе за автономию Тибета (особенно ярко эти процессы проявлялись в 90-е гг. XX в. В Забайкалье это выразилось через создание параллельных ламаистских структур, не подчинённых буддистской традиционной Сангхе России).

Китайский вектор панмонголизма сопряжен с попытками поставить под идеологический контроль Внешнюю Монголию, рассматриваемую как временно отдалённую от Китая территорию, имеющую исторический прецедент китайского протектората. Японский инвариант паназиатской доктрины в современной религиозной политике Японии в монголоязычных и Дальневосточном регионах имеет определённую геополитическую задачу ослабления влияния Китая в данной зоне. Делегации российской буддистской Сангхи совместно с делегацией монгольских буддистов несколько раз посещали Японию по приглашению японской стороны. Положение Монголии между китайским «молотом» и японской «наковальней» накладывает свой отпечаток на характеристику конфессионально-государственных отношений и религиозную ситуацию в Монголии [5, с. 287].

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать выводы о том, что культурологический подход позволяет интерпретировать многие процессы политико-правового характера в социальной жизни. Методологический аспект культурологии как формы политической и социальной теории проявляется при анализе структур обществ, не являющихся производными западноевропейской культурно-цивилизационной модели. Вероисповедная политика государств АТР опосредована конфуцианско-буддистским вектором геополитического контроля над социокультурным пространством региона Северо-Восточной Азии. Практика вероисповедной политики Китая и Японии в данном случае вы-

страивается из этноцентристских (Китай) и имперских (Япония) концепций, имеющих свою проекцию в контексте глобализации XX–XXI вв.

Список литературы:

1. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения: монография / В. А. Абрамов. М. : Вост. кн., 2010. 239 с.
2. Арзуманов И.А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия. Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 244-251.
3. Арзуманов И.А. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-Восточной Азии XX–XXI в. Часть 1. / И.А. Арзуманов, А.В. Юрковский // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия. Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9), Ч. 1. С. 106-115.
4. Арзуманов И.А. Религиозная культура Байкальского региона: историко-религиоведческий анализ нормативно-правовой стратификации буддизма // Научный вестник Белгородского государственного университета. Белгород, 2009. № 2 (57). С. 46-57.
5. Арзуманов И.А. Государственное регулирование этноконфессиональных общественных отношений в России (на примере Байкальского региона в XIX–XXI вв.) : монография / И.А. Арзуманов. Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. ун-та, 2014. 393 с.
6. Глаголев В.С. Величие России: основания, иллюзии и реалии // Философия хозяйства. 2006. № 1 (43). С. 101-106.
7. Глаголев В.С. Православное искусство как феномен восприятия // Вестник славянских культур. 2009. Т. XII. №2. С. 5-12.
8. Глаголев В.С. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики / В. С. Глаголев, М. В. Силантьева // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия. Политология. Религиоведение. 2010. № 2. С. 131-140.
9. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид; пер. с фр., вступ. ст. В.А. Туманова. М. : Прогресс, 1988. 496 с.
10. Зинин С.В. Современные западные исследования религиозной культуры Китая // Культурные традиции и современность. М., 1989.
11. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) [Электронный ресурс]. – URL : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
12. Ланьков А.Н. Репрессивный аппарат и контроль над населением в Северной Корее [Электронный ресурс]. – URL: <http://Travel.ru>.
13. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст ; под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. 280 с.
14. Ли Юйцзе. Тяньдицзяо. Новое понимание космоса и жизни: Постулаты Учения Небесного государства / Ли Юйцзе. М., 1996. 127 с.
15. Мартынов А.С. Государство и религии на Дальнем Востоке / А.С. Мартынов. М., 1987. 235 с.
16. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И. И. Лукашук ; Ин-т государства и права РАН. М, 2000. 262 с.
17. Малявин В.В. Синкретические религии в Китае в XX в.: традиционное и посттрадиционное // Религии мира: ежегодник. М., 1987.
18. Сан Цзи. Религии Китая / Сан Цзи ; пер. Ян Юньхуа. – 2004. – С. 85–88.
19. Силантьева М. В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десуверенизация или «постсуверенизация»? // Полис. Политические исследования. 2014. №3. С. 8-26.
20. Силантьева М. В. Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества // Точки - PUNCTA. 2011. № 1-2. С. 27-30.
21. Современные международные отношения: учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М. : Аспект пресс, 2012. 584 с.
22. Тertiцкий К.М. Китайские синкретические религии в XX веке / К. М. Тertiцкий. М. : Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. 156 с.
23. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права (по изд. 1910–1912 гг.). Т. 1, Вып. 1. М., 1995. 347 с.
24. Юрковский А.В. Конституционно-правовые основы развития политических систем стран Северо-Восточного Азиатского региона : монография / А. В. Юрковский. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Генеральной прокуратуры РФ, 2008. 444 с.

Об авторе:

Арзуманов Игорь Ашотович – к. филос. наук, доктор культурологии, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета. 664082, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10. Научная специализация: правовая культура, теория государства и права, политико-правовой дискурс.
E-mail: arzumanov@mail.ru.

GLOBALIZATIONAL ASPECTS OF NORTHEAST ASIAN COUNTRIES ETHNOCONFESSIONAL POLICY IN THE 20TH - 21ST CENTURIES: CULTURAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE ANALYSIS

I.A. Arzumanov

Law Institute of Irkutsk State University, the Department of Theory and History of State and Law. 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10.

Abstract. *The article is devoted to the analysis of current functional features of religious institutions in Northeast Asian countries, which are due to the globalization processes of today's ideological and legal products. The extraterritorial character of legal globalization in state and confessional relations is constitutionally built upon the liberal basis of personal human rights. The modernization processes of national, political and legal systems in Northeast Asian countries have a dual vector directed to both westernization and dewesternization. In this regard, on the one hand, there is a trend of globalization of the value factors of liberal ideology — market, democracy, human rights — and the establishment of this trend at the constitutional level in the Asia-Pacific Region. On the other hand, this complex undergoes verification in the fields of traditional interpretation of values, political and legal practices and geopolitical pragmatism.*

The research employs cultural approach, which defines the axiological modes of legal thinking and legal awareness determined by traditional narratives of ethnic and religious culture. The religious factor as one of the fundamental elements in the globalization processes displays an 'East - West' reverse vector. The driving forces for these processes in the Northeast Asia Region are China and South Korea, which are currently undergoing the phases of ideological integration (China) and ideological expansionism (South Korea). The author notes that for socialism-oriented countries — China and North Korea — the aporia between the basic components of traditional legal awareness and the liberal legal reception of constitutional level is manifested in the differentiation of religious communities on the basis of their political loyalty and the level of positive legal institutionalization. Within the framework of the principle of statism in the field of law enforcement, the functioning of religious institutions, manifestation of political disloyalty and the processes of "missionary geopolitics» in the XX-XXIst centuries are under strict state control.

Key words: *globalization, ethnoconfessional culture, Northeast Asia, law, missionary.*

References:

1. Abramov V.A. Globalizirujushhij Kitaj: grani sociokul'turnogo izmerenija : monografija [Globalizing China. The aspects of sociocultural dimension] / V.A. Aramov. M.: Vost. kn., 2010. 239 p. (in Russian).
2. Arzumanov I.A. Kul'tur-konfessional'nyj faktor v processah konsolidacii sociopoliticheskogo prostranstva Bajkal'skoj Sibiri [Culture-confessional factor in the consolidation processes of sociopolitical

- space of the Baikal Siberia] // *Izv. Irkut. gos. un-ta. Serija. Politologija. Religiovedenie [Irkutsk State University Newsletter. Series: Political science. Religion studies]*. 2009. № 1 (3). P. 244-251. (in Russian).
3. Arzumanov I.A. Modernizacionnye aspekty veroispovednoj politiki stran Severo-vostochnoj Azii XX-XXI v. Chast' 1 [Modernization aspects of the confessional policy of Northeast Asian countries in the 20th and early 21st centuries. Part 1]. / I. A. Arzumanov, A. V. Jurkovskij // *Izv. Irkut. gos. un-ta. Serija. Politologija. Religiovedenie [Irkutsk State University Newsletter. Series: Political science. Religion studies]*. 2012. № 2 (9), pt. 1. P. 106-115. (in Russian).
 4. Arzumanov I.A. Religioznaja kul'tura Bajkal'skogo regiona: istoriko-religiovedcheskij analiz normativno-pravovoj stratifikacii buddizma [Religious culture of the Baikal region: a historical and religious studies analysis of the normative legal stratification of Buddhism] // *Nauchnyj vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Belgorod State University scholar newsletter]*. Belgorod, 2009. № 2 (57). P. 46-57. (in Russian).
 5. Arzumanov I.A. Gosudarstvennoe regulirovanie jetnokonfessional'nyh obshhestvennyh otnoshenij v Rossii (na primere Bajkal'skogo regiona v XIX-XXI vv.) : monografija [State regulation of ethnoconfessional relations in Russia (with special reference to the Baikal Region in the 19th-21st centuries): a monograph] / I. A. Arzumanov. Irkutsk : Izd-vo Irkut. Gos. un-ta, 2014. 393 p. (in Russian).
 6. Glagolev B.C. Velichie Rossii: osnovanija, illjuzii i realii [The glory of Russia: reasons, illusions and reality] // *Filosofija hozjajstva [Philosophy of Economy]*. 2006. № 1 (43). P. 101-106. (in Russian).
 7. Glagolev V.S. Pravoslavnoe iskusstvo kak fenomen vosprijatija [Orthodox art as a perceptual phenomenon] // *Vestnik slavjanskih kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*. 2009. T. XII. № 2. P. 5-12. (in Russian).
 8. Glagolev V.S. Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropejskoj Rossii: faktory dinamiki tradicii i tradicii dinamiki [Religious and cultural space of European Russia: the dynamics of tradition and the tradition of dynamics] / V. S. Glagolev, M. V. Silant'eva // *Izv. Irkut. gos. un-ta. Serija. Politologija. Religiovedenie [Irkutsk State University Newsletter. Series: Political science. Religion studies]*. 2010. № 2. P. 131-140. (in Russian).
 9. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Major Legal Systems in the World Today] / R. David ; transl., introd. by V. A. Tumanov. M.: Progress, 1988. 496 p. (in Russian).
 10. Zinin S.V. Sovremennye zapadnye issledovanija religioznoj kul'tury Kitaja [Current western research of Chinese religious culture] // *Kul'turnye tradicii i sovremennost' [Cultural traditions and modernity]*. M., 1989. (in Russian).
 11. Konstitucija KNR 1982 g. (s izm. 1988, 1993, 1999, 2004 gg.) [Constitution of the People's Republic of China (with the 1988, 1993, 1999 and 2004 amendments)] (Electronic resource). – URL : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution. (in Russian).
 12. Lan'kov A. N. Repressivnyj apparat i kontrol' nad naseleniem v Severnoj Koree [Repressive apparatus and control over the population in North Korea] (Electronic resource). – URL: <http://Travel.ru>.
 13. Lejst O. Je. Sushhnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava [The essence of law. Problems of theory and philosophy] / O. Je. Lejst ; ed. by V. A. Tomsinov. – M. : Zercalo, 2008. 280 p.
 14. Li Jujcze. Tjan'diczjao. Novoe ponimanie kosmosa i zhizni: Postulaty Uchenija Nebesnogo gosudarja [New understanding of cosmos and life. The Doctrine of the Celestial Emperor] / Li Jujcze. M., 1996.
 15. Martynov A. S. Gosudarstvo i religii na Dal'nem Vostoke [State and religions in the Far East] / A. S. Martynov. M., 1987. (in Russian).
 16. Lukashuk I. I. Globalizacija i pravo, gosudarstvo, pravo, XXI vek [Globalization and law, state, law, the 21st century] / I. I. Lukashuk ; In-t gosudarstva i prava RAN [Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. M, 1996. 262 p. (in Russian).
 17. Maljavin V. V. Sinkreticheskie religii v Kitae v HH v.: tradicionnoe i posttradicionnoe [Syncretic religions in twentieth-century China: traditional and post-traditional] // *Religii mira : ezhegodnik [Religions of the world]*. M., 1987. (in Russian).
 18. San Czi. Religii Kitaja [Religions of China] / San Czi ; transl. Jan Jun'hua. 2004. P. 85–88.
 19. Silant'eva M. V. Novye principy «filosofii granicy» v global'nom mire – desuverenizacija ili «postsuverenizacija»? [New principles of the «Philosophy of frontier» in the global world: de-sovereignization or «post-sovereignization»?] // *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*. 2014. № 3. P. 8-26. (in Russian).
 20. Silant'eva M. V. Religija kak faktor social'noj konsolidacii sovremennogo rossijskogo obshhestva [Religion as a factor of social consolidation in modern Russian society] // *Tochki - PUNCTA*. 2011. № 1-2. P. 27-30. (in Russian).

21. Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija : uchebnyj [Modern international relations: a course-book] / ed. by A. V. Torkunov, A.V. Malygin. M. : Aspekt press, 2012. 584 p.
22. Tertickij K. M. Kitajskie sinkreticheskie religii v XX veke [Chinese syncretic religions in the 20th century] / K. M. Tertickij. M. : Izdat. firma «Vost. lit.» RAN, 2000. (in Russian).
23. Shershenevich G. F. Obshhaja teorija prava (po izd. 1910–1912 gg.) [General Theory of Law (on the editions of 1910–1912)]. – Vol. 1, Iss. 1. M., 1995. (in Russian).
24. Jurkovskij A. V. Konstitucionno-pravovye osnovy razvitija politicheskikh sistem stran Severo-Vostochnogo Aziatskogo regiona : monografija [Constitutional and legal bases for the development of political systems in Northeast Asian Region: a monograph] / A. V. Jurkovskij. – Irkutsk : Irkutsk Law Institute Affiliated to the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2008. 444 p. (in Russian).

About the Author:

Igor Arzumanov – PhD (Philosophy), Doctor of Culturology, Associate Professor. Law Institute of Irkutsk State University, Professor of the Department of Theory and History of State and Law. 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10/ Research interests: legal culture, theory of state and law, political and legal discourse. E-mail: arzumanov@mail.ru.